

Цифровая экономика и цифровая социология: общее и различное (критический обзор)

Елена Владимировна Андрианова[✉], Владимир Александрович Давыденко, Дарья Васильевна Лазутина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.v.andrianova@utmn.ru[✉]

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ цифровой экономики и цифровой социологии, выявление общего и различного. Цифровые технологии трансформируют социальные и экономические процессы, создавая новые исследовательские вызовы. В процессах исследования, обучения и внедрения алгоритмов и цифровых средств в практику повседневной жизни накапливаются противоречия, актуализируя развитие исследовательского дискурса через цифровую экономику и цифровую социологию, ставя вопрос о способах их решения. Методологические принципы работы опираются на идею о том, что существуют определенные теоретические и эмпирические соответствия в цифровой социологии и цифровой экономике, особенно в социально ориентированных сегментах экономики. Методы включают анализ документов, нарративный и дискурсивный подходы, фрейм-анализ, сравнительный анализ. Научную новизну составила обобщенная модель «сочетания дискурса и реальности с использованием цифровых платформ», присущей цифровой экономике и социологии. Модель идентифицирует различные социальные и экономические термины, понятия и категории, объединенные общностью своего происхождения из цифрового дискурса слов, текстов, контекстов, устойчивых выражений, научных метафор, концептов, используя разноплановый инструментарий их изучения. Сделаны выводы, что цифровизация меняет социальные структуры и экономические модели, цифровая экономика и социология взаимосвязаны через общие цифровые платформы, и существует необходимость интеграции классических теорий с современными цифровыми подходами.

Ключевые слова: цифровая, экономика, социология, критический обзор, модель, дискурс, реальность

Цитирование: Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Лазутина Д. В. 2025. Цифровая экономика и цифровая социология: общее и различное (критический

обзор) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 3 (43). С. 6–33. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-6-33>

Поступила 09.07.2025; одобрена 02.09.2025; принята 09.09.2025

Digital economy and digital sociology: commonalities and differences (a critical review)

Elena V. Andrianova , Vladimir A. Davydenko, Daria V. Lazutina

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.v.andrianova@utmn.ru

Abstract. This article presents a comparative analysis of the digital economy and digital sociology, aiming to identify their shared features and distinctions. Digital technologies are transforming both social and economic processes, giving rise to new research challenges. As algorithms and digital tools are increasingly integrated into research, education, and everyday life, contradictions emerge — underscoring the need to develop academic discourse through the lenses of digital economy and digital sociology and raising questions about how these contradictions might be addressed. The methodological framework is based on the assumption that there are specific theoretical and empirical correspondences between digital sociology and digital economy, particularly in socially-oriented sectors of the economy. The methods employed include document analysis, narrative and discourse approaches, frame analysis, and comparative analysis. The scientific novelty of the article lies in a generalized model of the “combination of discourse and reality through digital platforms” that is characteristic of both the digital economy and digital sociology. This model identifies various social and economic terms, concepts, and categories that are united by their origin in the digital discourse — emerging from words, texts, contexts, fixed expressions, scientific metaphors, and concepts — and analyzed using a diverse range of methodological tools. The article concludes that digitalization is reshaping social structures and economic models, that the digital economy and digital sociology are interconnected through shared digital platforms, and that there is a growing need to integrate classical theories with contemporary digital approaches.

Keywords: digital, economy, sociology, critical review, model, discourse, reality

Citation: Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Lazutina, D. V. 2025. Digital economy and digital sociology: commonalities and differences (a critical review). *Tyumen*

State University Herald. Social, Economic, and Law Research, 11(3), 6–33. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-6-33>

Received Jul. 9, 2025; Reviewed Sept. 2, 2025; Accepted Sept. 9, 2025

Введение

Актуальность. В повседневности нас окружают цифровые инфраструктуры и платформы. Они не просто влияют на то, как мы живем, но также перестраивают условия и обстоятельства, от которых зависит наше восприятие мира и сам опыт нашего существования. Замысел данной статьи строится на парадигме digital life, или «цифровой жизни», и на базовой идее о том, что цифровые инфраструктуры современного общества являются частью фундамента, на котором зиждется социально-экономическая фактичность индивида и его референтных групп.

Научная проблема, которой посвящена статья, — это противоречия между классическими теориями и новыми цифровыми реалиями, вызывающие необходимость интеграции экономических и социологических подходов для анализа цифровых трансформаций.

Цель этой статьи — провести сравнительный анализ цифровой экономики и цифровой социологии в качестве исследования тех смыслов, содержаний, значений, которыми обладают соответствующие предметные области, и выявить общее и различное в их институциональной природе.

Гипотеза предполагает, что существует некая встроенность цифровой экономики и цифровой социологии друг в друга по различным параметрам, которая обеспечивается дефиницией «цифры» как тем «общим», которое дает фундаментальную базу для их совместных точек соприкосновения.

Методы и материалы

Методология исследования включает анализ динамики и структуры задач цифровой социологии и цифровой экономики. Методы, используемые в работе, — это анализ документов, элементы фрейм-анализа, дискурс-анализа, нарративного и сравнительного анализа. Сравнительный анализ включает сопоставление подходов цифровой экономики и социологии. С применением дискурс-анализа были рассмотрены ключевые тексты и концепции. Фрейм-анализ позволил выявить структурные паттерны в исследованиях.

Источники данных: академические статьи и монографии (1995–2025 гг.); официальные отчеты (ОЕСД, Всемирный экономический форум); эмпирические исследования цифровых платформ.

Критический обзор современных публикаций

Имеет значение, что интеллектуальные истоки цифровой социологии располагают весьма богатой историей, которая уходит своими корнями в 2000-е гг. Одно из первых «эмпирических исследований повседневной жизни с интернетом» провел в своей докторской диссертации Андерс Гектор, обозначив его как тип информационного по-

ведения, охватывающий разные контексты поиска и использования информации, в зависимости от категории «жизнедеятельности» индивида. Сюда входили такие признаки, как «забота о себе, забота о других, ведение домашнего хозяйства, отдых, развлечения, размышления, транспорт, приобретение и приготовление пищи, а также и оплачиваемой работы» [Hektor, 2001, с. 1]. Пит Фусси и Силке Рот, опираясь на введенное ими узловое понятие «доступности» (affordances), излагаемое как возможности и ограничения (важно отметить, что есть четкий аналог этих дефиниций в экономике — предпочтения и ограничения), для релевантных действий предлагают применять цифровые технологии. Они интегрировали смыслы «цифровой социологии» как такие способы решения органического единства эпистемологических и методологических подходов «цифрового поворота» (digital turn) в отдельных областях, которые представляют для социологов постоянный интерес, включая такие признаки в различных социальных сферах, как «работа и организации, сообщества, активизм, эмоции, повседневную жизнь, гендер, неравенство, миграцию — и то, какими способами они формируются и идентифицируются социальными действиями, социальными структурами и отношениями, и их взаимодействиями» [Fussey, Roth, 2020, с. 659–660].

Для наиболее четкого представления поднимаемых проблем наш обзор мы разобьем по конкретным предметным областям.

Экономика

Особая важность экономики и экономической теории сегодня, во времена кризисов и роста хаоса, несомненна. Среди экономистов принято считать, что формирование цифровой экономики как современного типа экономической системы должно изучаться как минимум с позиций неоклассической и неокейнсианской теорий, к которым добавляются другие подходы, в том числе неоинституциональные [Роркова и др., 2021, с. 8]. Лингвистический аспект «цифровизации» и истинное значение этого слова — перевод с английского: digitalisation. С точки зрения этимологии, цифровизация — это перевод предметной области экономики (как и других сопряженных с ней дисциплин) из текущего состояния в «гибкое». То есть это «модификация, модернизация, реорганизация, внутреннее перерождение в соответствии с единственно верным, с точки зрения digital-реформаторов, шаблоном „цифровизации“ современной реальной российской экономики» [Роркова и др., 2021, с. 13]. После того как в 1990-е гг. в ходе постсоветских реформ команда Егора Гайдара и другие реформаторы вывели Россию на рыночный путь развития, Россия изначально была индустриально развитой страной, и, в отличие от других стран, ей есть что терять. Однако быстрыми темпами происходила деиндустриализация, и сегодня налицо явная технологическая, технико-экономическая и структурная деградация потенциала национальной промышленности, особенно машиностроения. Технологическое отставание от развитых стран при отсутствии развития внутреннего производства будет становиться всё более значительным в России. Отсюда необходимость срочного развития производственного сектора, основанного на собственных ресурсах, ускоренного роста национального производительных сил на основе фундаментальных институциональных и структурных изменений [Роркова и др., 2021, с. 13].

Систематический анализ основных положений взаимосвязей между цифровой социологией и экономикой приведен в табл. 1.

Табл. 1. Основные положения из упомянутых книг
Table 1. Key statements from the referenced books

Автор/Книга	Ключевые идеи	Связь с цифровой экономикой/социологией
Tapscott D. 2015. The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence	Цифровая экономика как сетевая парадигма, меняющая производство, общение и обучение	Основа для понимания цифровой трансформации экономики
van Dijck José, Poell Th., de Waal M. 2018. The Platform Society: Public Values in a Connective World	Платформы создают социальные структуры, а не только отражают их	Связь между цифровыми платформами и социально-экономическими процессами
Lee F., Jo T.-H. (Ed.). 2019. Microeconomic Theory: A Heterodox Approach	Гетеродоксальная микроэкономика: социальные аспекты экономических процессов	Альтернативный взгляд на цифровую экономику через призму социальных взаимодействий
Fussey P., Roth S. 2020. Digitizing sociology: Continuity and change in the internet era	Цифровая социология изучает влияние технологий на социальные действия и структуры	Подчеркивает роль цифровых технологий в социологических исследованиях
Keen S. 2022. The New Economics: A Manifesto	Критика неоклассической экономики, предложение новой модели для анализа цифровых и экологических вызовов	Альтернативный подход к цифровой экономике, учитывающий системные риски
Engel U., Quan-Haase A., Liu S., Lyberg L. (Eds.). 2022a, 2022b. Handbook of Computational Social Science. Vol. 1, 2	Демонстрируются новые методы статистического моделирования и машинного обучения, охватывая ключевые вопросы открытой науки, а также социальные и поведенческие науки, даются конкретные примеры и решения вопросов компьютерной социальной науки (computational social science)	Единство экономики, социологии и цифры через общие и частные модели
Elliott A. (Ed.). 2022. The Routledge Social Science Handbook of Artificial Intelligence (AI)	Анализ социальных наук, связанных с революцией искусственного интеллекта (AI), от трудоустройства и рабочих мест до новых цифровых навыков	Раскрывает темы и тенденции исследований

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

Автор/Книга	Ключевые идеи	Связь с цифровой экономикой/социологией
Hein E. 2023. Macroeconomics after Kalecki and Keynes: Post-Keynesian Foundations	Посткейнсианская макроэкономика: анализ финансовых режимов и их влияние на экономику	Критика неоклассических моделей, актуальность для цифровой экономики
Skopek J. (Ed.). 2023. Research Handbook on Digital Sociology	Цифровая социология как область, изучающая влияние цифровых технологий на общество	Интеграция цифровых методов в социологические исследования
Flew T., Holt J., Thomas J. (Eds.). 2023. The SAGE Handbook of the Digital Media Economy	Включен анализ предметных областей: менеджмент, маркетинг, финансы, философия, аудит, сбыт, политика, цифровые продажи, покупки, бухгалтерский учет, бизнес, медиаэкономики	Связи между экономикой, социологией и теми цифровыми форматами, в которые входят эти предметные дисциплины
Lim D. 2023. Philosophy through Computer Science. An Introduction	Философия и компьютерные науки, цифровая мораль и прочие гуманитарные аспекты цифрового мира	Изучаются основные вопросы философии в цифровом мире, от манипуляции изображениями и рекурсивного программирования до методов машинного обучения
OECD. 2024a, 2024b. OECD Digital Economy Outlook. Vol. 1. Embracing the Technology Frontier. Vol. 2. Strengthening Connectivity, Innovation and Trust	Анализ цифровых технологий, их влияния на экономику и общество, включая неравенство и инклюзивность	Практические аспекты цифровой трансформации на глобальном уровне
Smith J. (Ed.). 2024. Research Handbook on Accounting and Information Systems	Развитие технологий изменяет способы подготовки и анализа информации для исследователей, ученых и студентов, изучающих бухгалтерский учет и аудит, экономику, финансы, бизнес, менеджмент, социологию и информационные системы, инновации и технологии	Изменяется содержание труда, научных исследований, инноваций и технологий. Например, в исследованиях в области бухгалтерского учета и информационных систем
Pevehouse J. C. W., Seabrooke L. 2025. The Oxford Handbook of International Political Economy	Подробные эссе ведущих экспертов из широкого списка проблем	Дискуссия между представителями различных течений

Среди достаточно новых публикаций этого типа нужно отметить в первую очередь «Оксфордский хендбук по международной политической экономии» 2025 г. Джона Пивхауса и Леонарда Сибрука [Pevehouse, Seabrooke, 2025], в котором содержатся подробные эссе ведущих экспертов мирового уровня из весьма широкого теоретического спектра и различных методологических подходов. Его особенность состоит в том, что ученые экономисты-международники в области политической экономии в наименьшей степени придерживаются «американских» или «британских» школ мысли или твердых позиций «конструктивистов» или «рационалистов», настаивая в своих взглядах на прагматике, и в их изысканиях освещаются и будущие исследовательские возможности. Этот прагматизм не подразумевает отсутствия теоретической или этической приверженности, но требует, чтобы ученые сосредоточились на том, какие теории и методы дают представление о конкретных темах и что может выдержать постоянную критику. Научный вклад всех эссе этого хендбука сосредоточен на проблемно-ориентированном подходе по отношению к каждому из предметов исследования, которые за последние 20 лет в мировой политической экономии стали доминирующими, хотя их корни уходят за много десятилетий до этого. Постулируется как научная истина предпосылка о том, что теоретические дебаты всегда нужны, дискуссии и любые споры продолжаются как компоненты мозговых штурмов актуальных тем, дающие приращения новых знаний. Во «Введении» хендбука говорится, что бытующее в предыдущие десятилетия противоречие между школами «критической теории» и подходом, «ориентированным на решение проблем» (problem-solving), существует до сих пор. Ключевые события с тех пор, как Бенджамин Коэн («Дебаты Коэна» / Cohen debate [Cohen, 2021]) мудро встряхнул ситуацию, имеют три аспекта: долгосрочное прекращение методологических и «конфликтных подходов» конфликтов 1990-х и начала 2000-х гг., когда методологические инновации теперь являются частью возобновленной, хотя и всё еще фрагментированной открытости; повышение доступности данных; и развитие исследовательских технологий, часто импортируемых из других дисциплин, что позволяет проводить новые формы исследования. Дисциплина также расширилась, как численно, так и с точки зрения интеллектуальной территории. В эту область вошло много новых ученых с меньшим историческим багажом и лучшей методологической подготовкой, произошел прагматичный отказ от различия «уровней анализа» (levels of analysis) международной политической экономии и сравнительной политической экономии (comparative political economy) и разносторонняя приверженность пониманию уровней-взаимосвязей в широкомасштабных национальном, региональном и историческом контекстах [Pevehouse, Seabrooke, 2025, с. 34].

«Критическая теория» международной политической экономии в своих изысканиях делала основной упор на отношения между структурой (structure) и агентностью (agency), уделяя внимание тому, как экономические системы возникли в прошлом, какие изменения происходят в них в настоящем, и сосредотачиваясь на том, каким способом эти изменения могут быть сформированы в будущем.

Перспектива теории «решения проблем» международной политической экономии, под которой подразумевается большая часть того, что делается в американской эконо-

мической школе, является относительно краткосрочной, и эта теория предполагает, что основные компоненты системы, включая, прежде всего, состояния, не подвержены фундаментальным изменениям. Лежащие в его основе базовые структуры — «просто параметры», своего рода «продолжающееся настоящее» (*continuing present*), которое устанавливает границы, своими пределами идентифицируя действие. Анализ фокусируется на действиях и результатах, а не на ограничениях. Решения ищутся всегда в рамках существующей системы. Этот подход по своей сути вовсе не является историческим. Напротив, «критическая теория» принимает во внимание наиболее длительный временной горизонт, измеряемый не днями, месяцами и годами, а целыми десятилетиями и даже поколениями. Если подход, «ориентированный на решение проблем», обычно легко справляется с краткосрочными задачами, то наиболее характерной чертой «критической теории» было то, что она выходила за рамки существующих отношений, чтобы подчеркнуть происхождение системы, и прежде всего оценить потенциал ее развития. Главная ценность «критической теории» состоит в том, что является не чем иным, как историческим подходом (история встроена в экономику — *history is embedded in the economy*); структуры — ими может быть всё что угодно, но только не параметры экономической системы «в моменте» времени. «Критический подход» обращает внимание на то, каковы источники конфликта в экономической системе и какие модели фундаментальных изменений возможны в принципе. Поскольку принципиальное различие между ними связано с измерением времени, то для решения вопроса был предложен простой и сильный выход: «ученые, придерживающиеся обоих подходов, просто не взаимодействуют друг с другом, в основном существуя в разных научных мирах» — это процесс «конструктивного невмешательства» (*constructive non-engagement*), он был взят на вооружение методологией на основе практик о том, что исследования, опирающиеся на разные теоретические традиции, «продвигаются особенно быстрыми темпами, учитывая незначительные взаимодействия и небольшие участия в дискуссиях представителей этих традиций» [Pevehouse, Seabrooke, 2025, с. 1–2].

В качестве своеобразного углубления «критического подхода» нужно рассматривать хендбук по исторической политической экономии в редакции Джеффри Дженкинса и Джареда Рубина [Jenkins, Rubin, 2024], где четко продемонстрировано, как политические и экономические субъекты и институты взаимодействовали в течение долгого времени, фокусируются причины, следствия и механизмы решения стратегических проблем, устраняя барьеры для конструктивных дискуссий социально-экономической тематики.

Хендбук «Перспективы и методы институциональной экономики в стремлении к лучшему миру» в редакции Чарльза Уэйлена [Whalen, 2022], исполненный в традиции «критического подхода», дает глубокое исследование институциональной экономики как социокультурной дисциплины, которая опирается на идею о том, что экономику лучше всего постигать через понимание ее истории и традиций, реальных институтов и социально-экономических взаимосвязей, когда внимание должно уделяться как сильным, так и слабым сторонам; в главы хендбука вплетены основные институционалистские концепции, включая технологию, культуру и феномен сложности. Отличным ему дополнением стала книга в виде мини-хендбука по России в редакции Елены Попковой

и Елены Завьяловой: «Новые институты социально-экономического развития: смена парадигмы от рациональности и стабильности к ответственности и динамизму» [Popkova, Zavyalova, 2021].

Хендбук по «критической политической экономии» в редакции Кристофа Шеррера и коллег [Scherrer et al., 2023] также следует рассматривать в стилистике «критического подхода», который предоставляет собой различные сочетания теорий экономической политики и экономики, их критического взаимодействия по самым разнообразным географическим направлениям, подкрепленными яркими примерами экономических срезов из стран Организации экономического сотрудничества и развития, Латинской Америки, Южной Африки и Южной и Восточной Азии. В аналогичном по тематике хендбуке по евразийской политической экономии под редакцией Александра Булатова и Егора Пака [Bulatov, Pak, 2022] подводятся итоги двадцатилетних исследований МГИМО по изучению экономической, социальной, политической и институциональной динамики в странах постсоветской Евразии, с учетом взаимных влияний бизнеса, торговли и финансов. Показано, что способность постсоветских евразийских государств извлекать выгоды из экономической взаимозависимости и интернационализации была сильно ограничена очевидными особенностями политико-экономического управления.

Среди хендбуков, «ориентированных на решение проблем», особо отметим «Хендбук альтернативных теорий политической экономии» под редакцией Фрэнка Стилвелла и коллег [Stilwell et al., 2024], где проведен анализ передовых вкладов в политическую экономическую мысль на основе классического, марксистского, посткейнсианского, институционального, эволюционного и феминистского подходов, представлены исследования капитала как власти, современной теории денег, социальных структур накопления, поведенческой экономики. Этот хендбук является ключевым ресурсом для студентов и преподавателей, желающих изучить политико-экономические процессы в рамках указанных альтернативных подходов, что «дает толчок к размышлениям о том, насколько совместимы эти течения в политической экономической мысли; какие из них более всего их привлекают и почему, как эти идеи могут создать прогресс в политической экономии и, в конечном счете, способствовать прогрессу в создании лучшего мира» [Stilwell et al., 2024, с. 12]. Отметим, что ранее вышли другие хендбуки по альтернативным теориям [Setterfield, 2010; Reinert et al., 2016], и это говорит о широком спектре мировых экономических дискуссий по различным экономикам.

Микроэкономическая теория в мировом развитии получала разные ценные ответвления, уделяя внимание экономике фирмы, рынкам, конкуренции, детальному анализу функционирования экономики фирмы. В превосходном учебнике, «ориентированном на решение проблем» и испытанном временем «Теория и практика экономики фирмы» Артура Томпсона и Джона Формби [Thompson, Formby, 1993], блестяще изложена кардиналистская теория полезности, пополняемая новыми сюжетами из практики, увлекательными примерами и решениями задач из реального мира, точных математических доказательств, графических и табличных приложений, где используются классические соотношения средней, совокупной и предельной выручки при различных кривых спроса и предложения, дохода и эластичности разных типов рынков; определения функций

издержек, объемов выработки, продаж и прибыли в краткосрочном и долгосрочном периодах, как в теоретических, так и эмпирических оценках. Представляемая модель кардиналистской теории полезности особенно рельефно вписывается в модель экономического человека, составляя тем самым как бы расширенную ее модификацию.

В хендбуке «Политическая экономия будущего и идентичности Европы» [Bongardt, Torres, 2023] под редакцией Аннетт Бонгардт и Франческо Торреса изучены вопросы интеграции в режиме современного кризиса, и с весьма амбициозной целью: «помочь решить множество проблем, возникших в Европе, когда темпы изменений ускоряются, старые определенности рушатся, и всё более преобладают новые неопределенности» [Bongardt, Torres, 2023, с. ii].

Хендбук по политической экономии социальной политики в редакции Бент Греве и коллег [Greve и др., 2024] исследует достаточно новые методологические и теоретические подходы предложенной тематики и анализирует эмпирические данные, охватывающие трудовые отношения, жилье и социальное обеспечение по многим регионам мира.

Среди других интересных хендбуков по экономике отметим «Хендбук по исследованиям глобальной политической экономии труда» под редакцией Маурицио Атзени и коллег [Atzeni и др., 2023], который весомо расширяет эмпирические и теоретические представления о работе и работниках, их трудовых отношениях, раскрывая любопытные темы и совершенно новые идеи по современной политической экономике труда, давая всеобъемлющие отчеты об отношениях между различными форматами труда, эксплуатацией, классовой архитектурой, накоплениями капитала, сопротивления социальных групп, репродуктивном труде, в технологиях, географии производства, описывая динамику и мощь капиталистической политической экономии, и главное — изменения цифровой работы, отображая всё новые конфигурации труда.

«Хендбук по экономическому развитию и институтам» в редакции Жан-Мари Балана и коллег [Baland и др., 2020] фокусируется на трех важных темах: определении институтов для обоснования причинно-следственной связи с развитием, взаимодействиями между формальными и неформальными институтами, эволюции и коэволюции институтов и их взаимодействий с политической экономией развития. Хендбук дает широкую концептуальную основу, в рамках которой понимается роль формальных (например, законы, суды, контракты) и неформальных рыночных институтов, отправной точкой которой было то, что рыночные транзакции встроены в социальный контекст. Это включает не только сети и социальные нормы, но также мыслительные процессы и эмоции, что означает их встроенность в экономическое развитие. За кажущейся простотой обозначаемых концепций скрывается чрезвычайно сложный набор вопросов, на которые хендбук дает системные ответы, экономистам предоставляя многообещающие отправные точки для новых исследований и вклады, освещающие разнообразные связи с реальным миром, а социологам — надежные причины для взаимодействия с институционалистской традицией.

Итак, современные общества, столкнувшись с кардинальными цифровыми преобразованиями и инновациями, их применением к социальным действиям и фактам, стали новыми информационными обществами и сообществами.

Динамика современных обществ изменила структуры, практики, нормы, символы, общие значения и смыслы настолько быстро и глубоко, что ученые назвали нынешние социальные организации «цифровым обществом» (digital society) [Addeo, Masullo, 2021; Skopek, 2023].

Экономика и социология: исходные предпосылки

Ядро основного течения (mainstream) неоклассического подхода к анализу хозяйственных и других общественных явлений, определяемых через экономическую модель человека как научной абстракции, являющейся рабочим инструментом исследования, составляет *предмет политической экономии* [Автономов, 1998, с. 5]. Краткая характеристика этой модели сводится к идентификации целей и средств для их достижения и информационным процессам, которые детализируют схемы реализации модели экономического человека. Исходные ее предпосылки состоят в следующих тезисах: поскольку количество доступных ресурсов ограничено, поэтому человек вынужден всегда делать выбор между ними; этот выбор обуславливают предпочтения (желания, или «хотелки», индивида) и ограничения (объективные возможности); оценки вариантов такого выбора решаются в контексте соответствия реальных результатов на выходе его предпочтениям; делая выбор, он руководствуется интересами — своими и чужими, благодаря чему взаимодействия между экономическими субъектами принимают форму обмена. Их выбор является рациональным в том смысле, что из известных им вариантов берется тот, который в наибольшей степени отвечает предпочтениям и максимизирует целевую функцию. Находящаяся в распоряжении информация ограничена — известны далеко не все доступные индивиду варианты действия и возможные результаты известных вариантов. Сформулированная здесь модель экономического человека сложилась в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки [Автономов, 1998, с. 5–12].

Аналогичная модель экономического человека в концепции В. В. Радаева строится из пяти предпосылок: он «независим» (это автономный индивид, принимающий решения исходя из личных предпочтений); он «эгоистичен» (основная цель — забота о своем интересе и стремление к максимизации своей выгоды); он «рационален» (в эту дефиницию входят ясные и устойчивые предпочтения, последовательный выбор средств достижения цели и расчет сравнительных издержек); он «информирован» (знает свои нужды, запросы и потребности и имеет достаточные сведения о средствах их удовлетворения). Эти предпосылки «положены в основу общей модели homo economicus», и на ее основе, «с определенными отклонениями, построены практически все основные экономические теории» [Радаев, 2008, с. 19–20].

По поводу модели социологического человека (homo sociologicus) нужно подчеркнуть, что ее параметры как инструменты исследования предлагались довольно разнообразные. Например, в двух афористичных формулировках Зигварта Линденберга они звучат так: это «индивид, имеющий собственное мнение, восприимчивый и действующий» — в первой; «социализированный, исполняющий роли, подверженный санкциям» — во второй; однако из-за трудностей верификации такого рода моделей он предложил другой подход: «социальная рациональность, саморегуляция и благополучие»,

его развитие привело к необходимости решать проблемы «социальной поддержки, будь то в форме неформальных отношений, организационных контекстов или формальных институтов» [Lindenberg, 2013, с. 99]. Если явной особенностью неоклассического экономического подхода является максимизация целевой функции, которая означает, что люди выбирают именно то, что они хотят, устанавливая связь между предпочтениями (или интересами) и актом выбора (действием), на основе адекватной оценки своим действиям, что позволяет понимать реальные последствия, а не выдавать свои исходные замыслы как модели экономического человека; то в случае с моделью социологического человека между ними есть совпадение только с параметром рациональности.

Экономическая социология

Мы хотим обратить внимание на два новых хендбука: 2024 г. под редакцией Милана Зафировски и 2022 г. под редакцией Андреа Маурер [Maurer, 2022; Zafirovski, 2024]. Особо не углубляясь в их обзор, важно подчеркнуть, что в данных хендбуках, по сравнению с хендбуками по экономической социологии 1994 и 2005 гг., видны сильные изменения в концепциях получения и анализа данных цифровизации, в применяемых методах и методологии, отмечаются очевидные сдвиги в научных акцентах, а именно: если в наиболее ранних перспективах экономической социологии предпочитались такие количественные и сравнительно-исторические методы, которые позволяли делать каузальные обобщения, причем она вообще была не контекстуальной, а макроскопической, то новая ее перспектива — контекстуальна, микроскопична, предпочитает сугубо качественные методы, фокусирующиеся на одном сообществе или на одной организации. В то время как ранее взгляд на культуру в экономической социологии основывался на ценностях, убеждениях, верованиях, идеях и учениях, то новые подходы в экономической социологии делают акценты на дискурсе, фокусируются на социальных практиках и на символических ресурсах, с помощью которых придаются смыслы жизни людям и общностям, подчеркивают способы ее переосмысления, в том числе через подходы жизненных миров и социологии повседневности (everyday life). На смену поиску универсалий (всеобщности) пришли идеи, используемые для выявления особенностей и частностей, и, как правило, над причинно-следственным анализом преобладают описания. В хендбуке по экономической социологии 2022 г. креативное понимание уникальности ее европейского сегмента встало в противовес экономической социологии США, и, что любопытно, буквально по аналогии ключевых различий между американской и британской экономической школами, которые выявил и проанализировал Бенджамин Коэн в своей уникальной книге по интеллектуальной истории международной политической экономики [Cohen, 2021].

Привлекательно то, что в хендбуке 2024 г. по современной экономической социологии указывается, что теоретически, как и социология в целом, она «возвращается к классике», ее мотивация — предоставление возможностей решать «новые проблемы» на «старой» классической основе. Например, при ответе на вопрос «Когда социальное действие становится экономическим?» дается ответ относительно очевидного возврата к теории идеальных типов Макса Вебера: «Действие является экономическим в том случае, когда субъективный смысл направлен на полезность» [Zafirovski, 2024, с. 97].

«Взаимный альтруизм, сотрудничество и командная работа приносят пользу не только индивиду, но и его группе, и сообществу. Мотивы, структуры, нормы и ценности групп в экономической жизни так же важны для выявления и изучения, как и направленность неоклассической экономики на поведение индивидов, максимизирующее полезность. В отличие от экономико-социологического подхода, методология экономистов сводит институты к транзакционным структурам, в том плане, что институты существуют для обеспечения эффективности транзакций. Такие институты, как профсоюзы, существуют для снижения издержек ведения переговоров с работодателями. Государственные учреждения существуют потому, что они эффективно предоставляют услуги. Институт семьи существует потому, что воспитание детей в семье — наиболее экономичный способ воспроизводства следующего поколения продуктивных работников и ответственных избирателей» [Zafirovski, 2024, с. 224]. Подчеркнем, что экономическая социология, опираясь на идеи авторов первостепенной важности, оставляет сегодня свои следы (*traces*) в концептуальном научном пространстве, в чем с особой силой и проявляется здесь *цифровой поворот* (*digital turn*).

В контексте *экономико-социологической проблематики* эволюция научных школ имеет долгую историю, в чем-то даже похожа на подход «критической политической экономии». Политическая экономия Адама Смита основана на постулатах *homo economicus*: наборе предположений о действиях индивидов, каждый из которых преследует собственные интересы и делает свободный и рациональный выбор после расчета предполагаемых издержек и выгод, ориентированных на максимизацию извлечения прибыли [Смит, 2016]. В отличие от этой позиции, основы экономической социологии предполагают, что индивид, группа и любое сообщество связаны взаимодополняющими способами: их синергизм присутствует при решениях индивидов, которые встроены в культуры, традиции, нормы. Результаты решений, которые приняты в качестве групп единомышленников, могут трансформировать те же социальные факторы. Для концептуального сравнения: если «институт» в экономической социологии как дефиниция идентифицирует, определяет, выявляет и оценивает правила, нормы, порядки, коллективные действия, характеризует механизмы принуждения, принятые в данном сообществе, и учитывает специфику когнитивных процессов, включая изучение смыслов, убеждений, идентичностей и значений, которые акторы приписывают своим действиям и их результатам, то институциональная экономика настаивает скорее на том, что ее теоретический проект состоит в объяснении с помощью моделей индивидуального и коллективного действий скорее формальные институты, не выделяя специально институты неформальные, одновременно прослеживая последствия в виде результатов и процессов взаимодействий, приводящих к существованию политических, правовых, социальных и других ограничительных рамок. В этом контексте широкомасштабная книга Милана Зафировски «Современный путеводитель по экономической социологии» [Zafirovski, 2020] имеет большое научное значение.

Социология

Для объяснения полезности и актуальности социологической теории как решения задач по наиболее полному раскрытию тематики статьи нужна всеобъемлющая теоретическая

основа, которая великолепно, на наш взгляд, представлена в монографии Скотта Эпплера и Лауры Десфор Эдлес [Applerouth, Edles, 2021], где имеются крайне важные методологические определения и эпистемологические ресурсы по выявлению компонентов парадигмы общего. Авторы монографии для идентификации ключевых идей социологических теорий предложили матричную модель — базовый теоретический континуум относительно природы социального порядка и человеческого действия: по горизонтальной оси — по аналогии с теориями в экономике — отражающий предпосылки методологического индивидуализма (*methodological individual*) и принципы методологического коллективизма (*methodological collective*), а по вертикальной оси — также по аналогии со многими теориями в экономике — рациональный (*rational*) и нерациональный (*nonrational*) уровни систем действия. При наложении двух осей — горизонтальной и вертикальной — друг на друга, с соответствующими сегментами социального порядка и человеческого действия, получается система «декартовых координат» как такой общий алгоритм, который дает оценки социологическим теориям по четырем координатам, что позволяет ориентироваться в содержательных деталях тех или иных анализируемых теорий. На отрезке индивидуального уровня горизонтальная (*horizontal*) ось отражает модели (*patterns*) социально-экономической жизни, возникающие в результате продолжающихся взаимодействий отдельных индивидов или их отдельных действий; соответственно, коллективный уровень отражает модели социально-экономической жизни, рассматриваемые как продукты договоренностей и соглашений с точки зрения коллективов, групп, общностей. В свою очередь, вертикальная (*vertical*) ось отражает две парадигмы в двух секторах — рациональную, рационалистическую (*rational*) и нерациональную, нерационалистическую (*nonrational*), достаточно хорошо описываемые как многими экономическими, так и социологическими теориями. «Подобно тому, как координаты север-юг, восток-запад позволяют ориентироваться в деталях на карте улиц, данная аналитическая карта привязана к четырем координатам, которые помогают ориентироваться в деталях многих теорий» [Applerouth, Edles, 2021, с. 43–46], при этом сравнивая их друг с другом по ключевым представленным параметрам. «Изюминка» этой очень интересной теоретико-методологической находки состоит в том, что предложенный базовый теоретический континуум позволяет сравнивать самые различные модели как по общим основаниям, так и по особенным (специальным) компонентам любой теории, что является главной тематической основой для развертывания значимых смысловых и содержательных характеристик (как соответствующих параметров) экономики, социологии и цифры.

Из других книг достаточно высокого научного качества нужно выделить хендбук по классической социологической теории в редакции Сета Абрутина и Омара Лизардо, где представлены ценные обсуждения, дебаты и сильные аргументы в пользу достаточно новой идеи о том, что современная социология «возвращается к классике», причем она легко поднимает темы, сопряженные с эмпирическими цифровыми подходами и *цифровыми следами* (*traces*) [Abrutyn, Lizardo, 2022, с. 588–590].

Цифровая социология — это сравнительно новая область, которая изобилует буквально взрывами фундаментальных публикаций, например: «Хэнбук по исследованиям

цифровой социологии» в редакции Яна Скопека [Skopek, 2023], а его детальный обзор приведен в двух наших статьях [Андрианова и др., 2024, 2025]. Говоря кратко, цифровая социология возникла для изучения стремительного развития цифровых технологий и их глубокого влияния на действия индивида и сопряженных с ним социально-статусных групп, и для изучения механизмов взаимодействия цифровых технологий и социальных сред. Цифровые технологии переживали разные витки своего развития со становлением интернета, прогрессом современных компьютеров, аппаратного (физическое оборудование) и программного обеспечения (кодирование и инструкции по эксплуатации), поддерживающей их инфраструктурой стали важными вехами в истории техники, которые оказали глубокое влияние на всё человеческое общество. Смысловая парадигма «цифровой социологии» основана на том, что разные формы традиционной социальной информации преобразуются в ряды двоичных цифр (0 и 1), которые распознаются, сохраняются, обрабатываются и распространяются с помощью приложений цифровых устройств (компьютеры, планшеты, смартфоны, телефоны) со свободным доступом к информации, потреблению, развлечениям, работе, участию в социальной жизни, любым коммуникациям. В академическом дискурсе появились статьи и книги — публикации о том, что обозначалось как стремление выявить интеллектуальные истоки «цифровой социологии» и «цифрового поворота» (digital turn) в гуманитарных науках в целом. В монографиях Нортье Марреса [Marres, 2017], Деборы Лаптон [Lupton, 2017], Нила Селвина [Selwyn, 2019] было показано, что продвижение цифровизации в социологии требует радикального переосмысления старых эмпирических подходов, которые в эпоху интернета приобретают совсем иное качество. В стержневой статье Пит Фусси и Силке Рот, которая написана в парадигме оцифровки социологии, освещается ее долгая история и отмечается явный резонанс современных течений в стремлении к четкой категоризации, упорядочения и рациональности, учитывая ключевые сдвиги в обществах, которые были привнесены цифровой жизнью и цифровым опосредованием [Fussey, Roth, 2020]. Хосе Ван Дейк с коллегами выпустила в свет книгу о платформенном обществе, исходя из предпосылки о том, что платформы не столько отражают всё социальное, сколько сами создают социальные структуры, в которых мы живем. Более того, авторами этой книги проводится важная идея тождественной перформативности экономики и экономической социологии на общей цифровой основе, когда «платформы не просто связывают социальных и экономических субъектов, но и фундаментально определяют то, как именно они взаимодействуют друг с другом. Платформы создают новые ценностные режимы и экономику в ходе данного процесса. Это наблюдение соответствует тому, какими способами экономические социологи оценивают эффективность экономических моделей рыночной инфраструктуры» [van Dijck и др., 2018]. Миккель Флайвербом издал монографию по цифровой социологии, употребив в названии метафору «цифровая призма» (digital prism), объясняя, какими способами она создает «управляемую видимость в мире информационных полей» [Flyverbom, 2020]. Ян ван Дейк опубликовал ставшую знаменитой монографию о краеугольной проблеме цифрового разрыва и цифрового неравенства, используя свои эмпирические исследования и решая вопросы поиска доступа и развития необходимых цифровых навыков [van Dijk Jan, 2020a, 2020b]. Тим Маркхэм ввел в оборот

смелую дефиницию «цифровая жизнь» (digital life), понимая под ней «обновленную философию жизни индивида в мире, насыщенном цифровыми технологиями и медиа», и делая акцент на том, что « всю эту историю также пронизывает экономика» [Markham, 2020, с. 14]. Таким образом, видно, что цифровая социология обретает свой научный фундамент в достаточно сильных современных публикациях.

Как исключительно важный исторический момент примем к сведению то, что впервые в мире магистерскую программу по цифровой социологии в 2013 г. учредил Лондонский университет Голдсмит (Goldsmiths), за ним последовали Эдинбургский университет в Шотландии, а также университеты Содружества Вирджинии и Глазго в США [Zhao, Wang, 2023, с. 4].

Аналогичная магистерская программа в Финансово-экономическом институте Тюменского государственного университета была открыта в 2023 г., а по цифровой экономике — пятью годами ранее.

Результаты и обсуждение

Основные этапы развития цифровой экономики можно провести следующим образом:

- 1) 1990-е — зарождение (электронная коммерция, интернет);
- 2) 2000-е — расширение (социальные медиа, big data);
- 3) с 2010-х по настоящее время — доминирование платформ (AI, блокчейн, метавселенные).

Ключевые тренды включают рост цифровых рынков (Amazon, Alibaba), автоматизацию труда и gig-экономику (Uber, Upwork), криптовалюты и децентрализованные финансы (DeFi).

Систематизация общих черт и основных различий концепций цифровой экономики и развивающейся на ее основе цифровой социологии приведена в табл. 2.

Табл. 2. Сравнительный анализ цифровой экономики и социологии
Table 2. Comparative analysis of the digital economy and digital sociology

Критерий	Цифровая экономика	Цифровая социология
Определение	Экономическая система, основанная на цифровых технологиях, где ключевыми факторами являются данные, алгоритмы и сетевые взаимодействия [Tapscott D. 2015]	Изучает влияние цифровых технологий на социальные структуры, взаимодействия и идентичности
Объект исследования	Рынки, технологии, данные	Социальные взаимодействия, идентичности
Основные направления	Рост цифровых рынков (Amazon, Alibaba). Автоматизация труда и gig-экономика (Uber, Upwork). Криптовалюты и децентрализованные финансы (DeFi)	Социальные сети и цифровая идентичность (Marres, 2017). Цифровое неравенство (van Dijk, 2020a, b). Алгоритмическое управление и контроль (Zuboff, 2019)

Окончание табл. 2
Table 2 (end)

Критерий	Цифровая экономика	Цифровая социология
Основные методы	Количественные модели, эконометрика, машинное обучение, институциональный анализ	Анализ цифровых следов (big data). Социологические исследования онлайн-сообществ. Критический дискурс-анализ цифровых платформ
Ключевые проблемы	Монополизация данных, кибербезопасность	Цифровое неравенство, приватность
Фокус исследования	Эффективность, прибыль, рыночные механизмы	Власть, неравенство, социальные изменения
Практическое применение	Оптимизация бизнес-процессов	Критика цифрового капитализма

Развитие модели экономического человека привело к ее трансформации в двух основных версиях: как теории, изучающей поведение экономических агентов в ходе их производственных, распределительных, потребительских и обменных отношений (марксистская версия), и как теории выборов того, как они принимают решения о покупке с учетом цен на товары и услуги, уровней доходов, технологий, цен на ресурсы, где и сколько необходимо работать, в результате чего складывается экономический подход рыночного и ценового равновесия, основанный на анализе предельных величин (economics). С точки зрения модели «человека социологического», имеется теоретическая возможность рассматривать лишь отдельные компоненты рациональности или иррациональности, параметры индивидуализма и коллективизма.

Возвращаясь к неоклассической политической экономии, нужно отметить, что за свою достаточно долгую научную жизнь данная наука воплощала собой множество различных смыслов и значений: это и наука об управлении ресурсами нации с целью обеспечения благосостояния ее жителей в версии великого Адама Смита; это и изучение того, как собственность и средства производства влияли на исторические процессы, у другого классика — Карла Маркса; это исследования взаимосвязей между экономикой и политикой для авторов XX–XXI вв.; и методологии, подчеркивающие индивидуальную рациональность или институциональную адаптацию. Часто неоклассическая политическая экономия признавалась как грандиозный и несовершенный синтез различных направлений; трактовалась как методология экономики, применяемая к анализу политического поведения и действия институтов от микро- через мезо- до макро- подходов, варьирующимися от национального до международного типа анализа, от методологического до содержательного исследования, от проблем асимметричной информации до игр (не)доверия, от социального выбора до публичной экономики и конституционной теории, от практик избирателей, партий и групп давления до валентности доверия (то есть кого избиратели знают и кому они доверяют); в повестку «неоклассики» вклю-

чались актуальные вопросы капитализма, международной политической экономики, международных конфликтов, демократии и либерализма — и это лишь сравнительно небольшой спектр тем, которые изучаются в мейнстриме (основное течение) [Weingast, 2009]. В трактовке другого хендбука по политической экономике ее предметная область определялась как «связь между экономикой и политикой, которая имеет основополагающее значение для понимания современных обществ». Координация человеческих действий, влекущих за собой разделение труда, «требует многоуровневых организационных механизмов и структур управления»; причем «организация этой области зависит от того, каким образом цели различных индивидов и групп соотносятся друг с другом, и налагаемыми материальной сферой ограничениями на их достижение» [Cardinale, Scazzieri, 2018, с. 1].

В качестве обсуждения надо сказать о том, что термин «политический» появляется здесь потому, что в версии редакторов хендбука «организация материальной сферы зависит от значимости целей (как экономических, так и неэкономических) различных индивидов или групп, через предоставление и использование материальных ресурсов» [Cardinale, Scazzieri, 2018, с. 2]. В этих важных тезисах представлены основные идеи мейнстрима неоклассической политической экономики, выраженные, по сути дела, в более современной терминологии. Не вдаваясь глубоко в дебаты определения предмета политической экономики, нужно, однако, подчеркнуть, что указанная формулировка годится не только для дефиниции «политический», но и для дефиниции «социальный» — потому, что ее предмет также сопряжен с экономическими и неэкономическими целями и ценностями различных индивидов и групп. В представленных подходах мы видим общую схему неоклассической модели экономического человека, заключающейся в наборе следующих базовых переменных: цели (предвосхищаемого результата; по Аристотелю — как то, «ради чего / ради кого»), средства, информация (знание), ограниченность редких ресурсов, вынужденность делать выбор, ограничения (доход, цены товаров, продуктов, благ и услуг; действия других участников рынка) и предпочтения (для сравнения близкие понятия: в социологии — ценностные ориентации и особые интересы), в психологии — установки или отношения, в криминологии — мотивы преступления, в маркетинге — нужды, потребности, запросы; оценки выбора (понимаемые соответствия возможных результатов предпочтениям и ограничениям); обмен действиями (в различных форматах это пересечения особых интересов (предпочтений) взаимодействующих сторон); издержки (разного типа, включая трансакционные); максимизации целевой функции (и/или минимизации издержек); случайные (а не систематические) ошибки, экономические рациональность и иррациональность, альтруизм и эгоизм, функции ожидаемой и предельной полезности; принципы методологического индивидуализма (эмпирические явления объясняются как результаты целенаправленных действий индивидов) и методологического коллективизма (экономические явления объясняются как результаты целенаправленных действий групп и сообществ).

В качестве специального обсуждения необходимо отметить, на наш взгляд, что, обращаясь к сравнительно недавно вышедшим хендбукам по экономике, мы также дополнительно особо фокусируемся на монографических изданиях. В редакции Экхарда Хайна

«Макроэкономика после Калецки и Кейнса: посткейнсианские основы» [Hein, 2023] дана всеобъемлющая посткейнсианская макроэкономическая модель с соответствующим набором компонентов для достижения полной занятости без инфляции с учетом параметров внешнего баланса, изменений режимов в современном капитализме, где доминируют финансы.

Представляя обзор основ и развития посткейнсианской макроэкономики со времен Калецки и до Кейнса, эта книга разрабатывает и представляет всеобъемлющую модель посткейнсианской экономики, как закрытой, так и открытой ее типов в ключевых областях макроэкономики, включая постоянную инфляцию и динамику внешнего баланса. Эта книга связывает посткейнсианскую краткосрочную макроэкономику с долгосрочными теориями распределения и роста. Наконец, она применяет эти теоретические подходы к текущим исследованиям макроэкономических режимов и изменений режимов в капитализме, где доминируют финансы, а также макроэкономических проблем экологического кризиса и требуемой социально-экологической трансформации. В качестве амбициозной мотивации написания этой книги в этой предметной области автором определялась как «очевидный пробел в такой литературе», так как «ни одна из них не предоставляет всеобъемлющей и обучающей посткейнсианской макроэкономической модели» [Hein, 2023, с. ix].

Представляя обзор, Экхард Хайн использует эту модель и некоторые из ее важных расширений для анализа закрытых и открытых экономик и ключевых их областей, таких как эффекты полной занятости, постоянной инфляции и внешнего баланса, раскрывающих основные проявления современного капитализма. Следуя авторской парадигме, «посткейнсианская экономика является частью неортодоксальной экономики в более общем плане, такой как классическая, марксистская, старая институциональная, эволюционная политическая экономия, социальная, феминистская и экологическая экономики, которые альтернативны неоклассической или ортодоксальной. В макроэкономике посткейнсианская и марксистская школы мысли являются основными неортодоксальными оппонентами доминирующего сегодня ортодоксального мейнстрима новой кейнсианской и новой классической школ, а также „новой консенсусной макроэкономики“ (new consensus macroeconomics), которая основана на этих школах, с доминированием нового кейнсианского вклада» [Hein, 2023, с. 9]. Ввиду чрезвычайной сложности данного ответвления в современной экономической науке, в предлагаемой статье было снято ее детальное обсуждение.

В монографии «Микроэкономическая теория: неортодоксальный подход» Фредерика Ли подробно разрабатывается гетеродоксальная экономическая теория, которая объясняет экономику как процесс социального обеспечения на микроуровне, уделяя внимание ее составным частям и их воспроизводству и повторению, их интеграции как взаимозависимости нерыночных и рыночных механизмов и институтов, а также тому, как система работает в целом [Lee, Jo, 2019]. В связи с особой значимостью ценового механизма для основной экономической теории, теоретическим вопросом этой книги является поведение бизнес-предприятий, рынков, динамика ценообразования и спроса. Поскольку гетеродоксальные экономисты рассматривают обычно частные инвести-

ции, потребление и государственные расходы как основных акторов и движущих сил экономической деятельности, другим теоретическим вопросом являются процессы принятия бизнес-решений относительно инвестиций и производства, важные решения о государственных расходах, финансирование инвестиций, надбавка к прибыли и ставка заработной платы, налоги. Третьим теоретическим вопросом стало описание неравновесной дезагрегированной модели цены-выпуска процесса социального обеспечения. Фредерик Ли детально исследует интеграцию этих различных теорий с теоретической моделью экономики и решает вопросы о том, как именно такой подход формирует новые теории гетеродоксальной микроэкономики. Альтернативные, но близкие подходы — в хендбуке под редакцией Тэ-Хи Джо и соавторов [Jo и др., 2018].

Подчеркнем, что современные хендбуки, монографии и статьи по разным экономическим наукам обрастают сложными математическими моделями и красивыми графиками, объясняющими их глубинные смыслы и дающими ясные прогнозы. Они призваны по замыслу авторов быть довольно жестко привязанными как к исходным предпосылкам, так и к описанию и развитию выбранных предметных областей. Среди современных книг по экономике выделяются особенно интересные новые подходы, которые стремятся согласовать экономико-математические модели и реальную экономическую действительность. Так, конкурирующая монография — это книга Стива Кина «Новая экономика: манифест» [Keen, 2022] — предлагает новый путь развития экономики. Особо подчеркнем, что ее автор — тот самый Стив Кин, который в середине 1990-х гг. предсказал грядущий финансовый кризис, и его прогноз не был просто догадкой [Keen, 1995]. Громадный опыт исследований и публикаций на эту тему сделал Стива Кина одним из главных критиков в мире неоклассической экономики. Его предыдущий бестселлер — математически строгий, но доступный труд «Развенчание экономики» — ярко разоблачал очевидные и неочевидные фейки/глупости неоклассической микроэкономики [Keen, 2011]. Его новая книга 2022 г. посвящена трем ключевым вопросам: (1) оценке неоклассической точки зрения как «странной и причудливой» (bizarre) науке, согласно которой деньги, кредит и долг не имеют значения для макроэкономики; (2) неоклассическому утверждению о том, что сложные, нелинейные потрясения в реальной экономике лучше всего объяснять в линейных, саморегулирующихся (самоуравновешивающихся) (equilibrating) терминах; (3) оценке того факта, что неоклассики захватили экономическую теорию изменения климата, используя заведомо ложные предположения и допущения для оправдания политики бездействия с непредсказуемыми и невыразимыми будущими последствиями [Keen, 2022].

Заключение

Проведенный нами обзор теорий и концепций современной экономики и социологии приводит к следующим *выводам*.

Цифровые технологии стали весьма популярными и достаточно хорошо адаптированными к экономическим и социальным процессам, что постепенно приводит к системной цифровой трансформации общества и его отдельных сегментов, переходу

к совершенно новому типу экономической системы, где знания становятся высшей ценностью, а экономические агенты становятся восприимчивыми к новым идеям и новым технологиям. Распространение компьютерных технологий, использование цифровых, текстовых и опросных данных, доступных в режиме онлайн, и абсолютная взаимная совместимость качественных и количественных методологий (тех самых элементов, которые ранее казались такими противоречивыми) сегодня стала ценным источником децентрализованной интеграции по всем социально-экономическим отраслям и гуманитарным наукам в соответствии с нынешним динамичным статус-кво.

Ключевая идея о встраивании цифровых инфраструктур в членства социальных групп как носителей «жизненных миров» (life worlds) индивидов восходит не только к экономико-социологическим теориям структуризации и встроенности, но и к предпосылкам современных наук экономики и феноменологии, и понимания сущности и существования платформенного общества как исходящих из гипотезы о том, что платформы не только отражают всё социальное, но и создают те самые социальные структуры, в которых мы живем. Все эти тезисы соответствуют тому, как экономические социологи характеризуют эффективность рыночной инфраструктуры и экономических моделей: они «не только анализируют и моделируют экономические процессы, но, делая это, вносят свой весомый вклад в построение самих этих процессов. Программные системы, биржевые табло и графические представления — всё это нечто большее, чем просто „измерительные“ инструменты; поскольку они четко структурируют экономические транзакции и созидание самих экономических ценностей. Аналогичным образом онлайн-платформы вмешиваются в ценностные режимы и в экономику, и меняют их» [van Dijck и др., 2018, с. 24]. Иначе говоря, в приводимой нами выше научной метафоре жизненных миров (life worlds), мы буквально пронизаны цифровыми технологиями и насыщены социологическими и экономическими императивами современной жизни.

Предлагаемая вводная эпистемологическая конструкция позволяет, на наш взгляд, теоретически и методологически объединять «цифровую экономику» и «цифровую социологию» в платформенные сообщества, и проводить поиск их общих и различных компонентов.

Вместе с тем в экономической социологии был найден элегантный способ создания рамочных условий для типологического анализа — предлагая новую «метатеоретическую структуру (metatheoretical framework), которая помогает ориентироваться, сравнивать и противопоставлять центральные идеи каждой ключевой фигуры, а также размышлять над любой социальной проблемой в нашем собственном, всё более усложняющимся жизненном мире» [Appleroth, Edles, 2021, с. 38].

Цифровая экономика и социология взаимосвязаны, но используют разные методы. Ключевые вызовы современности включают монополизацию данных (Google, Meta¹), цифровое неравенство (доступ к технологиям). В дальнейшем развитии цифровых экономики и социологии необходима интеграция классических и цифровых подходов.

¹ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории России.

Список источников

- Автономов В. 1998. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа. 230 с.
- Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Розманов А. И. 2024. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Часть I // Цифровая социология [Digital Sociology]. № 4 (7). С. 63–80. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-63-80>
- Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Розманов А. И. 2025. Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Яна Скопека (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Часть II // Цифровая социология [Digital Sociology]. № 8 (1). С. 52–69. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2025-8-1-83-100>
- Радаев В. В. 2008. Экономическая социология. М.: Изд. дом Гос. ун-т. Высшая школа экономики. 603 с.
- Смит А. 2016. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Н. Ключкина. М.: Эксмо. 1056 с.
- Abrutyn S, Lizardo O. (Eds.). 2022. Handbook of Classical Sociological Theory. [Б. м.]: Springer. 732 pp.
- Addeo F, Masullo G. 2021. Studying the Digital Society: Digital methods between tradition and innovation in social research // Italian Sociological Review. No. 11. 4S. Pp. 153–165. <https://doi.org/10.13136/isrv11i4S.428>
- Applerouth S, Edles L. D. 2021. Classical and Contemporary Sociological Theory. Northridge: SAGE: California State University. 1716 pp.
- Atzeni M. et al. (Ed.). 2023. Handbook of Research on the Global Political Economy of Work. Northampton: Edward Elgar Publishing. 708 pp.
- Baland J.-M., Bourguignon F., Platteau J.-Ph., Verdier T. (Eds.). 2020. The Handbook of Economic Development and Institutions. Princeton: Princeton University Press. 768 pp.
- Bongardt A., Torres F. (Eds.). 2023. The Political Economy of Europe's Future and Identity. Integration in Crisis Mode. Palma de Cima. Lisboa, Portugal: European University Institute. San Domenico di Fiesole, Italy & UCP Press. 326 pp.
- Bulatov A., Pak E. (Eds.). 2022. Handbook of Eurasian Political Economy. Moscow: Aspect press LTD. 316 pp.
- Cardinale I., Scazzieri R. (Eds.). 2018. The Palgrave Handbook of Political Economy. [Б. м.]: Palgrave Macmillan. 861 pp.
- Cohen B. 2021. International Political Economy: An Intellectual History. Princeton: Princeton University Press. 224 pp.
- Elliott A. (Ed.). 2022. The Routledge Social Science Handbook of Artificial Intelligence (AI). [Б. м.]: Routledge. 368 pp.
- Engel U, Quan-Haase A., Liu S., Lyberg L. (Eds.). 2022a. Handbook of Computational Social Science. Vol. 1. [Б. м.]: Routledge. 394 pp.

- Engel U., Quan-Haase A., Liu S., Lyberg L. (Eds.). 2022b. Handbook of Computational Social Science. Vol. 2. [Б. м.]: Routledge. 434 pp.
- Flew T., Holt J., Thomas J. (Eds.). 2023. The SAGE Handbook of the Digital Media Economy. [Б. м.]: SAGE Publications Ltd. 667 pp.
- Flyverbom M. 2020. The Digital Prism: Transparency and Managed Visibilities in a Datafied World. Cambridge: Cambridge University Press. 182 pp.
- Fussey P., Roth S. 2020. Digitizing sociology: Continuity and change in the internet era // Sociology. No. 54 (4). Pp. 659–674. <https://doi.org/10.1177/0038038520918562>
- Greve B., Moreira A., van Gerven M. (Eds.). 2024. Handbook on the Political Economy of Social Policy. Northampton: Edward Elgar Publishing. 342 pp.
- Hein E. 2023. Macroeconomics after Kalecki and Keynes: Post-Keynesian Foundations. Northampton: Edward Elgar Publishing. 382 pp.
- Hektor A. 2001. What's the use? Internet and information behavior in everyday life. Linköping: Linköping University, Tema. 338 pp.
- Jenkins J., Rubin J. (Eds.). 2024. Oxford Handbook of Historical Political Economy. Oxford: Oxford University Press. 984 pp.
- Jo T.-H., Chester L., D'Ippoliti C. (Eds.). 2018. The Routledge Handbook of Heterodox Economics: Theorizing, Analyzing, and Transforming Capitalism. [Б. м.]: Routledge. 566 pp.
- Keen S. 1995. Finance and Economics Breakdown: Modeling Minsky's "Financial Instability Hypothesis" // Journal of Post Keynesian Economics. No. 17 (4). Pp. 607–635.
- Keen S. 2011. Debunking Economics: The Naked Emperor Dethroned? Revised and Expanded Edition. London: Zed Books. (2nd ed.). 554 pp.
- Keen S. 2022. The New Economics: A Manifesto. Cambridge: Polity. 140 pp.
- Lee F., Jo T.-H. (Ed.). 2019. Microeconomic Theory: A Heterodox Approach. [Б. м.]: Routledge. 274 pp.
- Lim D. 2023. Philosophy through Computer Science. An Introduction. [Б. м.]: Routledge. 276 pp.
- Lindenberg S. 2013. Social rationality, self-regulation, and well-being: The regulatory significance of needs, goals, and the self // Handbook of Rational Choice Social Research / R. Wittek, T. A. B. Snijders, Nee V. (Eds.). Stanford, CA: Stanford University Press. Pp. 72–112.
- Lupton D. 2017. Digital Sociology. [Б. м.]: Routledge. 236 pp.
- Markham T. 2020. Digital Life. Cambridge: Polity. 208 pp.
- Marres N. 2017. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge: Polity Press. 232 pp.
- Maurer A. (Ed.). 2022. Handbook of Economic Sociology for the 21st Century: New Theoretical Approaches, Empirical Studies and Developments. [Б. м.]: Springer. 316 pp.
- OECD. 2024a. Embracing the Technology Frontier. OECD Digital Economy Outlook. Vol. 1. Paris: OECD. 158 pp.
- OECD. 2024b. Strengthening Connectivity, Innovation and Trust. OECD Digital Economy Outlook. Vol. 2. Paris: OECD. 221 pp.

- Pevehouse J. C. W., Seabrooke L. 2025. *The Oxford Handbook of International Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. 880 pp.
- Popkova E., Krivtsov A., Bogoviz A. (Eds.). 2021. *The institutional foundations of the digital economy in the 21st century*. [Б. м.]: Walter de Gruyter. 269 pp.
- Popkova E., Zavyalova E. (Eds.). 2021. *New Institutions for Socio-economic Development: The Change of Paradigm from Rationality and Stability to Responsibility and Dynamism*. [Б. м.]: De Gruyter. 177 pp.
- Reinert E., Ghosh J., Kattel R. (Eds.). 2016. *Handbook of Alternative Theories of Economic Development*. Northampton: Edward Elgar Publishing Limited. 694 pp.
- Scherrer Ch., Garcia A., Wullweber J. (Eds.). 2023. *Handbook on Critical Political Economy and Public Policy*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 520 pp.
- Selwyn N. 2019. *What is Digital Sociology?* Cambridge: Polity. 152 pp.
- Setterfield M. (Ed.). 2010. *Handbook of Alternative Theories of Economic Growth*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 488 pp.
- Skopek J. (Ed.). 2023. *Research Handbook on Digital Sociology*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 492 pp.
- Smith J. (Ed.). 2024. *Research Handbook on Accounting and Information Systems*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 334 pp.
- Stilwell F., Primrose D., Thornton T. (Eds.). 2024. *Handbook of Alternative Theories of Political Economy*. Northampton: Edward Elgar Publishing. 520 pp.
- Tapscott D. 2015. *The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence* (2nd ed.). New York: McGraw Hill. 450 pp.
- Thompson A., Formby J. 1993. *Economics of the Firm: Theory and Practice*. Terre Haute: Prentice Hall, Indiana State University. 549 pp.
- van Dijck J., Poell Th., de Waal M. 2018. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. [Б. м.]: Oxford University Press. 240 pp.
- van Dijk J. 2020a. *The Network Society*. [Б. м.]: SAGE Publications Ltd. 384 pp.
- van Dijk J. 2020b. *The Digital Divide* (1st ed.). Cambridge: Polity. 208 pp.
- Weingast B., Wittman D., Goodin R. (Eds.). 2009. *The Oxford Handbook of Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. 1112 pp.
- Whalen Ch. (ed.). 2022. *Institutional Economics Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. [Б. м.]: Published by Routledge. 316 pp.
- Zafirovski M. (ed.) 2020. *A Modern Guide to Economic Sociology*. London: Edward Elgar Publishing. 368 pp.
- Zafirovski M. (ed.). 2024. *The Routledge International Handbook of Economic Sociology*. [Б. м.]: Routledge. 632 pp.
- Zhao Y., Wang M. 2023. Digital sociology: origin, development, and prospects from a global perspective // *The Journal of Chinese Sociology*. No. 10 (19). <https://doi.org/10.1186/s40711-023-00198-1>
- Zuboff S. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books. 704 pp.

References

- Avtonomov, V. (1998). *The human model in economics*. Visshaya Shkola Ekonomiki (Saint Petersburg). [In Russian]
- Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Rozmanov, A. I. (2024). Contemporary digital sociology in search of meaning making models: The proper and the actual. A review of articles from the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek. (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Part I. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 4(7), 63–80. [In Russian]
- Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Rozmanov, A. I. (2025). Contemporary digital sociology in search of meaning making models: the proper and the actual. A review of articles from the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek. (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Part II. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 8(1), 52–69. [In Russian]
- Radaev, V. V. (2008). *Economic sociology*. Visshaya Shkola Ekonomiki (Moscow). [In Russian]
- Smith, A. (2016). *A study on the nature and causes of the wealth of nations* (translated from English by P. N. Klyukina). EKSMO (Moscow). [In Russian]
- Abrutyn, S., & Lizardo, O. (Eds.). (2022). *Handbook of classical sociological theory*. Springer.
- Addeo, F., & Masullo, G. (2021). Studying the digital society: Digital methods between tradition and innovation in social research. *Italian Sociological Review*, 11, 4S, 153–165. DOI: 10.13136/isr.v11i4S.428.
- Applerouth, S., & Edles, L. D. (2021). *Classical and contemporary sociological theory*. SAGE. California State University.
- Atzeni, M., et al. (Ed.). (2023). *Handbook of research on the global political economy of work*. Edward Elgar Publishing.
- Baland, J.-M., Bourguignon, F., Platteau, J.-Ph., & Verdier, T. (Eds.). (2020). *The handbook of economic development and institutions*. Princeton University Press.
- Bongardt, A., Torres, F. (Eds.). (2023). *The political economy of Europe's future and identity. Integration in crisis mode*. European University Institute Press and UCP Press.
- Bulatov, A., & Pak, E. (Eds.). (2022). *Handbook of Eurasian political economy*. Aspect Press LTD.
- Cardinale, I., & Scazzieri, R. (Eds.). (2018). *The Palgrave handbook of political economy*. Palgrave Macmillan.
- Cohen, B. (2021). *International political economy: An intellectual history*. Princeton University Press.
- Elliott, A. (Ed.). (2022). *The Routledge social science handbook of artificial intelligence (AI)*. Routledge.
- Engel, U., Quan-Haase, A., Liu, S., & Lyberg, L. (Eds.). (2022a). *Handbook of computational social science. Vol. 1*. Routledge.
- Engel, U., Quan-Haase, A., Liu, S., & Lyberg, L. (Eds.). (2022b). *Handbook of computational social science. Vol. 2*. Routledge.
- Flew, T., Holt, J., & Thomas, J. (Eds.). (2023). *The SAGE handbook of the digital media economy*. SAGE Publications Ltd.
- Flyverbom, M. (2020). *The digital prism: Transparency and managed visibilities in a datafied world*. Cambridge University Press.

- Fussey, P., & Roth, S. (2020). Digitizing sociology: Continuity and change in the internet era. *Sociology*, 54(4), 659–674. <https://doi.org/10.1177/0038038520918562>
- Greve, B., Moreira, A., & van Gerven, M. (Eds.). (2024). *Handbook on the political economy of social policy*. Edward Elgar Publishing.
- Hein, E. (2023). *Macroeconomics after Kalecki and Keynes: Post-Keynesian foundations*. Edward Elgar Publishing.
- Hektor, A. (2001). *What's the use? Internet and information behavior in everyday life*. Linköping Studies in Arts and Science. Linköping University, Tema.
- Jenkins, J., & Rubin, J. (Eds.). (2024). *Oxford handbook of historical political economy*. Oxford University Press.
- Jo, T.-H., Chester, L., & D'Ippoliti, C. (Eds.). (2018). *The Routledge handbook of heterodox economics: Theorizing, analyzing, and transforming capitalism*. Routledge.
- Keen, S. (1995). Finance and economics breakdown: Modeling Minsky's "Financial Instability Hypothesis". *Journal of Post Keynesian Economics*, 17(4), 607–635.
- Keen, S. (2011). *Debunking economics: The naked emperor dethroned? Revised and Expanded Edition*. Zed Books (2nd ed.).
- Keen, S. (2022). *The new economics: A manifesto*. Polity.
- Lee, F., & Jo, T.-H. (Eds.). (2019). *Microeconomic theory: A heterodox approach*. Routledge.
- Lim, D. (2023). *Philosophy through computer science. An introduction*. Routledge.
- Lindenberg, S. (2013). Social rationality, self-regulation, and well-being: The regulatory significance of needs, goals, and the self. In R. Wittek, T. A. B. Snijders, & V. Nee (Eds.) *Handbook of rational choice social research* (pp. 72–112). Stanford University Press.
- Lupton, D. (2017). *Digital sociology*. Routledge.
- Markham, T. (2020). *Digital life*. Polity.
- Marres, N. (2017). *Digital sociology: The reinvention of social research*. Polity Press.
- Maurer, A. (Ed.). (2022). *Handbook of economic sociology for the 21st century: New theoretical approaches, empirical studies and developments*. Springer.
- Organisation for Economic Co-operation and Development. (2024a). *Embracing the Technology Frontier. OECD digital economy outlook. Vol. 1*. Paris, OECD.
- Organisation for Economic Co-operation and Development. (2024b). *Strengthening connectivity, innovation and trust. OECD digital economy outlook. Vol. 2*. Paris, OECD.
- Pevhouse, J. C. W., & Seabrooke, L. (2025). *The Oxford handbook of international political economy*. Oxford University Press.
- Popkova, E., Krivtsov, A., & Bogoviz, A. (Eds.). (2021). *The institutional foundations of the digital economy in the 21st century*. Walter de Gruyter.
- Popkova, E., & Zavyalova, E. (Eds.). (2021). *New institutions for socio-economic development: the change of paradigm from rationality and stability to responsibility and dynamism*. De Gruyter (1st ed.).
- Reinert, E., Ghosh, J., & Kattel, R. (Eds.). (2016). *Handbook of alternative theories of economic development*. Edward Elgar Publishing.
- Scherrer, Ch., Garcia, A., & Wullweber, J. (Eds.). (2023). *Handbook on critical political economy and public policy*. Edward Elgar Publishing.

- Selwyn, N. (2019). *What is digital sociology?* Polity.
- Setterfield, M. (Ed.). (2010). *Handbook of alternative theories of economic growth*. Edward Elgar Publishing.
- Skopek, J. (Ed.). (2023). *Research handbook on digital sociology*. Edward Elgar Publishing.
- Smith, J. (Ed.). (2024). *Research handbook on accounting and information systems*. Edward Elgar Publishing.
- Stilwell, F., Primrose, D., & Thornton, T. (Eds.). (2024). *Handbook of alternative theories of political economy*. Edward Elgar Publishing.
- Tapscott, D. (2015). *The digital economy anniversary edition: Rethinking promise and peril in the age of networked intelligence* (2nd ed.). McGraw Hill.
- Thompson, A., & Formby, J. (1993). *Economics of the firm: Theory and practice*. Prentice Hall, Indiana State University.
- van Dijk, J., Poell, Th., & de Waal, M. (2018). *The Platform society: Public values in a connective world*. Oxford University Press.
- van Dijk, J. (2020a). *The network society*. SAGE.
- van Dijk, J. (2020b). *The digital divide* (1st ed.). Polity.
- Weingast, B., Wittman, D., & Goodin, R. (Eds.). (2009). *The Oxford handbook of political economy*. Oxford University Press.
- Whalen, Ch. (Ed.). (2022). *Institutional economics perspectives and methods in pursuit of a better world*. Routledge.
- Zafirovski, M. (Ed.). (2020). *A modern guide to economic sociology*. Edward Elgar Publishing.
- Zafirovski, M. (Ed.). (2024). *The Routledge international handbook of economic sociology*. Routledge.
- Zhao, Y., & Wang, M. (2023). Digital sociology: Origin, development, and prospects from a global perspective. *The Journal of Chinese Sociology*, 10(19). <https://doi.org/10.1186/s40711-023-00198-1>
- Zuboff, S. (2019). *The Age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. Profile Books.

Информация об авторах

Елена Владимировна Андрианова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Владимир Александрович Давыденко, доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
v.a.davydenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Дарья Васильевна Лазутина, кандидат экономических наук, доцент, директор Финансово-экономического института, проректор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
d.v.lazutina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2423-961X>

Information about the authors

Elena V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
e.v.andrianova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Vladimir A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia
v.a.davydenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Darya V. Lazutina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director of the Financial and Economic Institute, Vice-Rector, University of Tyumen, Tyumen, Russia
d.v.lazutina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2423-961X>